

На правах рукописи

Летняков Денис Эдуардович

**РОССИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (XI-НАЧАЛО XX ВВ.)**

Специальность 23.00.02 – «Политические институты и
процессы, политическая конфликтология, политические технологии»

АВТОРЕФЕРАТ

**Диссертации на соискание ученой степени кандидата
политических наук**

30 АПР 2009

Москва - 2009

Работа выполнена в секторе истории политической философии
Учреждения Российской Академии наук Институт философии РАН

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент Глинчикова А.Г.

Официальные оппоненты:

доктор политических наук, профессор Тимофеева Л.Н.

кандидат политических наук Кагарлицкий Б.Ю.

Ведущая организация:

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра социальной философии.

Защита состоится в 15-00 часов «12» мая 2009 г. на заседании

диссертационного совета Д.002.015.05 в Учреждении Российской Академии

наук Институт философии по адресу: 119 991, Москва, ул. Волхонка, д. 14.

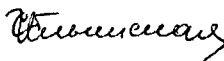
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской Академии наук Институт философии РАН.

Автореферат разослан «9» апрель 2009 г.

Учёный секретарь

Диссертационного совета

Кандидат политических наук

Ильинская С. Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы исследования. В отечественных социальных науках распространено представление о русской политической традиции как сугубо недемократичной, авторитарной. Известный миф о «тысячелетнем рабстве» рискует стать общим местом в размышлениях об истории и перспективах формирования в России общества гражданского типа, возможность построения которого видится многими лишь через отказ от сущностных характеристик российской социально-культурной идентичности. Однако есть определенные основания полагать, что подобное жесткое противопоставление демократии российским культурным и политическим традициям является не вполне правомерным.

Конечно, трудно спорить с тем, что сегодня взаимоотношения общества и власти в России носят во многом патерналистский характер, недостаточно выработаны механизмы гражданского контроля, политическая культура населения далека от стандартов развитых демократий. Как сложно не согласиться и с тем, что многое из этого стало наследием нашего исторического прошлого. В то же время *существует ряд явлений и фактов, которые плохо вписываются в концепцию извечного российского авторитаризма*, якобы никогда не имевшего в нашей стране серьезных альтернатив – речь идет, например, о вечевой традиции древнерусских городов, насчитывающей более двух столетий, о мощных процессах социальной и политической интеграции в Смутное время, о широком земском движении пореформенной России. А раз так, то может быть правильнее вести речь не о некой авторитарной доминанте, изначально присущей русской государственности, но о том, что в России на разных исторических этапах имели место *определенные предпосылки и тенденции к становлению гражданских институтов*, которые были сорваны и не получили своего завершения?

Ответу на этот вопрос и посвящена настоящая диссертация. Ее главную **проблему** можно сформулировать так: *почему в России так и не сформировался гражданский тип взаимоотношений между властью и*

обществом и соответствующие ему гражданские формы политического участия? Для решения этой проблемы мы предложили обратиться к прошлому, выбрав в качестве **объекта исследования** характер взаимоотношений между обществом и властью в России на протяжении достаточно длительного временного отрезка – от зарождения древнерусской государственности и до начала XX в. **Предметом исследования**, и в то же время инструментом, позволившим нам провести необходимый анализ, стали институты участия, которые всегда являются своеобразной «лакмусовой бумажкой» для характеристики политической конфигурации «власть-общество». Три крупных исторических периода (домонгольская Русь - Московское государство - Императорская Россия), каждый из которых сформировал свой тип (или типы) общественно-политического участия, мы рассматриваем сквозь призму определенного института (вече - Земские соборы - земство), в наибольшей степени, на наш взгляд, раскрывающего специфику эпохи, логику ее политического развития, а также особенности сложившихся здесь взаимоотношений между правящей элитой и остальным населением.

Безусловно, российская традиция общественно-политического участия не исчерпывается этими тремя институтами, но поскольку нашей задачей был не исторический обзор всех существовавших в России форм участия, а *прояснение конкретной политологической проблемы*, то нас интересовали, в первую очередь, те «узловые моменты», анализ которых имеет непосредственное отношение к этой самой проблеме.

Нельзя не отметить и еще одно важное обстоятельство – мы ограничили рамки диссертации дореволюционной эпохой, поскольку нам хотелось показать, прежде всего, *сам момент зарождения* того негражданского типа взаимоотношений общества и власти, который до сегодняшнего дня во многом определяет облик российской социально-политической системы. Каким образом сформировался этот тип? Какие факторы оказывали на него влияние? Почему в России не смогли получить должного развития импульсы противоположного характера? – вот вопросы, которые волнуют автора

диссертации в данном исследовании. Что касается событий 1917 г. и последующего периода, то мы видим здесь весьма специфичную попытку революционным путем преодолеть разрыв между властью и обществом, утвердить новую социальную систему. И эта попытка требует осмысления в рамках отдельного исследования. С другой стороны, при всех своих особенностях, постреволюционная эпоха не смогла, по нашему мнению, переломить сложившийся патерналистский механизм взаимодействия государства и общества, а потому она видится нам во многом уже *результатом* определенных тенденций, рассматриваемых в данной работе.

Также хотелось бы оговориться по поводу употребления в работе категории «политическое участие». Как известно, теоретическое изучение проблемы участия началось во второй половине XX в. на Западе и было связано первоначально с работами американских ученых-бихевиористов, которых заинтересовало политическое участие с точки зрения человеческого поведения. Одной из первых фундаментальных работ в данной области стала книга Г.А. Алмонда и С. Вербы «The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries» (Princeton, 1963). Позже С. Верба в соавторстве с другими учеными провел еще ряд исследований по проблеме политического участия, где были рассмотрены различные его аспекты и влияющие на него факторы (гендерный, имущественный, образовательный и т.д.). Речь идет о книгах «Participation in America» Verba S., Nie N.H. (N.Y., 1972); «Participation and Political Equality. A seven-nation comparison». Verba S., Nie N.H., Kim Jae-on. (Cambridge a.o., 1978); «Voice and Equality. Civic Voluntarism in American Politics». Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. (Cambridge a.o., 1995). Важное место в корпусе работ, связанных с вопросом участия, занимает известная книга Лестера Милбратса (Milbrath L.W.) «Political Participation. How and Why Do People Get Involved in Politics?». (Chicago, 1965), а также вышедшая в свет в конце 60-х гг. работа С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» (русское издание – М., 2004). Особое внимание политическому участию уделяли сторонники т.н. партиципаторной демократии, например, «новые левые» (П.

Гудмэн, Т. Хейден, Ф. Фанон), сформулировавшие в 1960-1970-х гг. идею «общества участия». Сюда же можно отнести и концепцию делиберативной демократии Ю. Хабермаса, под которой немецкий философ понимает власть мнений народа, реализуемой посредством широкой и постоянной коммуникации.

На сегодняшний день в западных общественных науках категория участия занимает одно из важных мест, там выработана достаточно мощная теоретическая и эмпирическая база по данному вопросу. При этом какой-то универсальной, общепризнанной интерпретации понятия «политическое участие» так и не сложилось, имеет место довольно широкая его трактовка, скажем, одно из наиболее известных определений участия, принадлежащее американскому политологу Дж. Нагелю, подразумевает под ним *«действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности»*¹.

Однако возникает закономерный вопрос – можно ли использовать научную категорию, созданную на Западе и применяемую, как правило, для анализа современных западных политических систем, в качестве инструмента исследования российских реалий, да еще и многовековой давности? На наш взгляд, ответ может быть положительным, и вот почему. Дело в том, что с точки зрения науки вряд ли продуктивным является чрезмерное увлечение тем, что принято называть «особым путем России». Конечно, мы не можем игнорировать значительную специфику отечественного исторического и социально-политического опыта, о который часто разбиваются многие теоретические построения, смоделированные на Западе. Тем не менее, это не означает, что для описания российской действительности нужно изобретать какой-то особый научный язык, ведь как верно отмечено по этому поводу в недавно вышедшей монографии А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко, «наука имеет дело с классами, совокупностями явлений, а не с отдельными явлениями», а потому, придумывая для России свою собственную

¹ Цит. по: Гончаров Д.В. Теория политического участия. М., 1997. С. 6.

терминологию, мы невольно переходим на «язык метафор, а не понятий (курсив авт. диссер.)»². Поэтому задача исследователя, занимающегося Россией, состоит не в полном отказе от западного понятийного аппарата, а в том, чтобы переопределить, расширить, адаптировать его так, чтобы он стал адекватным изучаемому объекту. К тому же в данном случае этому благоприятствует само, предельно широкое, понимание участия – если мы возьмем уже цитированное выше определение Дж. Нагеля, то увидим, что *речь здесь идет ни о чем ином как о попытке обычных людей повлиять на действия элиты, их стремлении быть вовлеченными в процессы, от которых зависит их судьба и благополучие, о желании быть не просто пассивным объектом управления, но в какой-то степени участвовать в принятии общезначимых решений*. И тенденции к этому мы увидим и на новгородском вече, и на московском Земском соборе, и в каком-нибудь тамбовском земстве пореформенной эпохи.

В то же время мы отдаем себе отчет в том, что в традиционном обществе, с которым данная диссертация будет преимущественно иметь дело, пространство политического, механизмы взаимодействия власти и населения и институты участия сильно отличаются от тех, что существуют в современных политических системах, и было бы все-таки неверно механически переносить понятие из XX столетия в век XI или XVII. Поэтому мы решили несколько смягчить исходный канонический термин «политическое участие», заменив его категорией «общественно-политическое участие», которую мы трактуем более широко и нейтрально – как *любую инструментальную активность общества в политической сфере, любые осознанные формы социально-политической деятельности незлитных общественных групп, целью которой является участие в принятии общезначимых решений или оказание влияния на власть*.

Актуальность исследования. В настоящее время в мире происходят серьезные изменения, связанные с глобализацией, научно-технической

² Ахиезер А. Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2008. С. 190.

революцией, становлением информационного общества и т.д. И в этих условиях конкурентоспособность того или иного социума, его достойное место в мировом сообществе будут не в последнюю очередь зависеть от того, насколько ему удастся развить демократические, гражданские институты, выработать механизмы участия населения в политических, экономических и культурных процессах. Поэтому для стран, в которых процесс демократизации системы «власть-общество» в той или иной степени «запаздывает», вопрос о демократическом транзите сегодня – один из главных. В число таких государств входит и Россия. При этом очевидно, что демократия, превращаясь в универсальный феномен, может и должна иметь в каждой стране свои особенности, в зависимости не только от текущих обстоятельств, но и от менталитета, политических традиций, культурных установок общества, его истории. В связи с этим для *выстраивания эффективной стратегии политической модернизации в России необходимо понять, насколько органичны для русской культуры демократические тенденции, насколько совместима русская политическая традиция с гражданским вектором развития, что из нашего прошлого может помочь, а что помешать в построении общества гражданского типа.* Обращение к российской политической истории, изучение того, как сформировалась в России своеобразная политическая культура и как складывались отношения между властью и народом в исторической ретроспективе, могут помочь нам адаптировать демократические принципы, «переоткрыть их заново» (Плимак Е.Г., Пантин И.К.) применительно к нашему обществу. Также это позволит лучше понять нынешние трудности и противоречия в функционировании гражданских институтов, сложности, с которыми сталкивается процесс демократизации российского общества в постсоветскую эпоху.

Говоря о **степени разработанности темы**, стоит отметить, что данная диссертация имеет определенную специфику – будучи по своей проблематике работой социально-политической, а не исторической, она при этом основывается преимущественно на исторических изысканиях, а потому

использованный нами материал можно условно разделить на две части: историографический, источниковедческий и политологический. К первой группе работ относятся многочисленные исследования веча, Земских соборов и земств, сделанные дореволюционными, советскими и российскими историками, а также непосредственные источники – летописные материалы, законодательные акты, документы, воспоминания очевидцев событий и т.д. Вторая часть использованных автором работ включила в себя собственно политологические труды, посвященные политической традиции России в целом или каким-то ее аспектам. Они стали основой концептуальной, мировоззренческой базы диссертации. Формулируя свою концепцию, мы опирались на определенную интеллектуальную традицию в России, корни которой идут еще от А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Коротко говоря, *суть ее – в попытке нахождения в России, на основе аутентичных социальных институтов, альтернативы авторитарному пути развития русского общества.* Для теоретиков народничества такой альтернативой, как известно, был социализм, основу которого они усматривали в крестьянской общине. Сегодня в этом же русле работает ряд известных ученых, среди которых можно выделить И.К. Пантина, Е.Г. Плимака, Г.Г. Водолазова – они делают акцент в большей степени на исследовании российской революционной традиции; А.А. Кара-Мурзу, который много лет занимается изучением истории либеральной мысли в России; А.Л. Янова и И.М. Клямкина, доказывающих в своих работах, что представление о русской истории как исключительно авторитарной является большим упрощением; А.Г. Глинчикову, в центре научных интересов которой – особенности вхождения русского общества в эпоху модернити. Преимущество данного подхода, объединяющего всех этих авторов (при разности их взглядов и убеждений), заключается в том, что он дает возможность для спокойного и объективного анализа, позволяя избежать двух крайностей в лице радикального западничества, которому Россия со всей ее историей представляется каким-то аморфным, косным образованием, которое обязательно нужно цивилизовать извне и «национально-державной»

идеологии, склонной к идеализации прошлого и усматривающей в патернализме российской социальной системы некое самобытное начало, которое следует всячески охранять и укреплять.

Цель исследования заключается в том, чтобы с помощью ретроспективного анализа институтов участия выяснить, существовали или нет в России тенденции к гражданской трансформации социально-политической системы и если такие тенденции были, то почему они не получили своего завершения. Для достижения этой цели автор ставит перед собой **несколько промежуточных задач**: во-первых, последовательно рассмотреть развитие институтов и форм общественно-политического участия в России от зарождения государственности на восточнославянских землях и до начала XX в.; во-вторых, изучить те предпосылки и возможности, которые давали институты участия для вызревания демократических, гражданских тенденций (всего мы выделяем три таких «импульса», которые могли стать толчком к гражданской трансформации русского общества, каждому из них посвящена отдельная глава); в-третьих, проанализировать причины незавершенности этих «гражданских импульсов», их связь между собой и последствия каждой неудачи для дальнейшего развития российской социально-политической системы; в-четвертых, сформулировать общие выводы относительно характера взаимоотношений между обществом и властью в России, который складывался на протяжении ее истории.

Методология работы включает в себя как общенаучные, так и конкретно-научные методы исследования. К первым относятся анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, аналогия, моделирование. Ко вторым – сравнительно-исторический метод (отвечая на современную проблему, мы исследовали ее в исторической перспективе, сопоставляя социально-политические институты на разных исторических этапах), сравнительно-политологический (сравнивая различные модели общественно-политического участия, проводя определенные параллели между социально-политическими

процессами и институтами в России и на Западе), институциональный, а также метод анализа документов.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) В диссертации впервые в отечественной науке ставится задача последовательного изучения характера взаимоотношений власти и общества в России на достаточно длительном временном отрезке, используя в качестве предмета научного анализа институты участия.

2) При этом предпринимается попытка переопределить и уточнить категорию «политическое участие», применительно к традиционному обществу.

3) На основе исследования институтов участия в работе показано, что российские социальные реалии были многовариантными, в том смысле, что в разное время они давали возможности для различных путей развития общества, в том числе и демократического.

4) Исходя из этого, в диссертации, с привлечением значительного исторического материала, рассматривается вопрос о том, какие собственные, аутентичные импульсы для формирования гражданских институтов существовали внутри русского социума.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Характер взаимоотношений между властью и обществом в России не был одинаков и существенно менялся на различных этапах ее истории. Автор приходит к выводу, что эти взаимоотношения прошли через серьезную эволюцию, в которой имел место как тренд усиления авторитарного начала, так и тенденции обратного порядка, когда патерналистская структура властвования оказывалась значительно ослабленной.

2. Если отношения народа и государства в России не укладываются в чисто патерналистскую модель взаимодействия, это означает, что русскому обществу не были чужды демократические, гражданские тенденции в социально-политической сфере и они не являются достоянием исключительно западной цивилизации.

В то же время, российские институты участия, на базе которых протекали демократические процессы, имели определенные особенности. Так, деятельность веча и Земских соборов была очень слабо формализована и опиралась скорее на обычай, нежели на какие-то юридические основания. В России, не испытавшей влияния римской правовой традиции, не возникло ничего подобного европейскому «городскому праву» (хотя серьезным шагом в этом направлении можно считать установившуюся с середины XII в. практику заключения договора между городской общиной и князем); не стала успешной и попытка юридического закрепления компетенции Земских соборов с помощью т.н. «ограничительной записи» царя Михаила Федоровича – ее положения были нарушены уже при его преемнике. Слабость правовой традиции в России во многом предопределила уязвимость институтов участия перед лицом власти, непрочность политических завоеваний русского общества. Что касается еще одного рассматриваемого нами института – земств пореформенной эпохи, то его специфика была связана с громадным социокультурным расколом в имперском обществе. В результате этого раскола социальные группы, представители которых входили в состав земских органов, не просто находились в состоянии глубокого конфликта между собой, но, более того, были культурно и цивилизационно чуждыми друг другу, что сделало невозможным устойчивый и конструктивный диалог между ними.

3. Два предыдущих тезиса необходимым образом подводят автора к мысли о том, что базовое различие социально-политической истории России и Запада состоит не в отсутствии у нас гражданских тенденций и импульсов, характерных для Европы, а в том, что в России они систематически срывались и не получили своего завершения. Этот момент часто ускользает от внимания исследователей отечественной государственности, многие из которых склонны экстраполировать характер современной российской социальной системы на все ее прошлое. Тогда как патернализм государства и власти в нашей стране – это не некая изначальная доминанта, «судьба» России, а результат действия

определенных объективных и субъективных факторов, которые мы рассматриваем в данной работе.

Теоретическая и практическая значимость работы определяются тем, что данная диссертация позволяет преодолеть ряд устойчивых стереотипов, сформировавшихся в отношении русской политической традиции и политической культуры россиян, по-иному взглянуть на многие факты отечественной истории, а также на перспективы движения России к обществу гражданского типа. Материалы исследования могут быть использованы при чтении лекций по политической истории России.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы были изложены в ряде публикаций (их список приводится в конце автореферата). Некоторые материалы диссертации были также использованы при чтении диссертантом лекций по истории русской политической мысли для студентов 2 курса факультета политологии Государственного университета гуманитарных наук. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на секторе истории политической философии ИФ РАН.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, четырнадцати параграфов, заключения и списка литературы из 123 источников. Объем диссертации составляет 139 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируется главная проблема исследования, его цель и задачи, дается характеристика степени разработанности темы диссертации, определяется методологическая база работы, ее научная новизна, теоретическое и практическое значение.

Глава I «Вечевая традиция домонгольской Руси как фактор формирования общественно-политического участия protoгражданского типа» состоит из шести параграфов. **Первый параграф** посвящен анализу предпосылок вызревания вечевых форм участия в Древней Руси. Первой такой

предпосылкой стал высокий уровень урбанизации, который являлся следствием развития транзитной торговли через восточнославянские земли (волжский торговый путь и «из варяг в греки»).

Торгово-ремесленный характер городов формировал большую массу свободного населения, которое по мере разложения родоплеменного строя и складывания новых социальных связей начинает консолидироваться в единое городское сообщество. И не случайно с середины XI в. мы встречаем в источниках все более частое упоминание о вече – это было внешним проявлением возросшей активности городских общин, которые использовали для канализации своей воли институт, привычный для славянского населения еще с архаичных времен (изначально вече – это племенная сходка). Похожие процессы можно было наблюдать и в средневековой Европе, в особенности на Апеннингах, где уже в IX–X вв. горожане начали борьбу со своими феодальными сеньорами, в результате которой в Северной и Средней Италии практически повсеместно возникали самоуправляющиеся коммуны. Средневековый европейский город стал носителем того динамичного начала, под влиянием которого складывались предпосылки для демократизации общества, вызревания гражданских форм участия, и важно подчеркнуть, что *русские города домонгольской эпохи не представляли собой исключения из этого общеевропейского правила.*

Вторым фактором, способствующим развитию вечевых институтов, стал полицентризм. Известно, что в Древней Руси так и не сложилось единой государственности, которая охватывала бы всю территорию расселения восточных славян. Государственность была достаточно аморфной и децентрализованной, она была локализована в городах, которые распространяли свою власть на окружающую территорию, что называлось в терминологии того времени *волостью* или *землей*. Каждая древнерусская волость включала в себя правящий город (он назывался «старшим»), подчиненные ему города («пригороды») и сельскую округу. По названию старшего города обозначали и всю землю – Новгородская, Киевская,

Владимирская и т.д. Русь была своеобразной конфедерацией таких волостей, которые хотя иногда и собирались под властью какого-либо сильного князя, тем не менее, никогда не являлись единым целым. Волостное устройство благоприятствовало развитию вечевых институтов, поскольку позволяло всем гражданам непосредственно участвовать в политической жизни, сойдясь на городской площади.

Во **втором параграфе** первой главы анализируется социальный состав древнерусского веча. С привлечением летописного материала автор показывает, что это был общегородской орган власти, куда, наряду с аристократией, входили и представители социальных «низов», бывшие полноправными членами городской общины. Статус гражданина в Древней Руси, как, впрочем, и в Европе, был связан с внесением определенных денежных взносов в городскую казну. А поскольку основной единицей налогообложения на Руси традиционно был «дым», т.е. двор, домохозяство, то и гражданскими правами обладали все свободные домохозяева, т.е. главы семейств. Зависимые категории населения – закупы, рядовичи, холопы, челядь и пр. – политических прав были лишены. С этой оговоркой мы можем признать вече институтом демократическим по своему составу.

Влияние древнерусского «демоса» на политическую жизнь усиливала и особенность военной организации, предполагавшая поголовную вооруженность всех свободных мужчин, которые составляли народное ополчение. Это делало социальные «низы» достаточно самостоятельными по отношению к знати, ведь «вооруженный общинник – плохой объект для эксплуатации» (И.Я. Фроянов).

Третий параграф первой главы посвящен компетенции вечевых собраний. Диссертант приходит к выводу, что вече в древнерусских городах так и не стало постоянно действующим органом, занимающимся текущими делами управления. Они собиралось лишь по мере необходимости, когда существовал какой-либо вопрос, требующий всенародного обсуждения. Тем не менее, компетенция веча была значительной, оно могло вмешиваться во все сферы государственного управления и законодательства, включая обсуждение

вопросов войны и мира, принятие судебных решений, утверждение некоторых законодательных актов и т.д. Но бесспорно важнейшим правом, ставшим результатом развития городских общин и вечевых институтов, была возможность смещать князей с престола и призывать новых.

Все большую вовлеченность народа в процесс распределения княжеских «столов» мы можем наблюдать со второй половины XI в. В Киеве первый такой случай датируется 1068 годом. В других городах, которые были зависимы от Киева и были вынуждены принимать оттуда князей-наместников, эта тенденция набирает обороты по мере обретения автономии. Утверждение порядка выборности князей стало важной вехой в развитии отношений между обществом и властью в домонгольский период. С началом избрания князей на Руси утверждается новый, общественный тип легитимации власти, когда для ее завоевания и удержания Рюриковичи уже не могли рассчитывать исключительно на свою дружину, теперь необходимо было и согласие со стороны общества; а князь из верховного правителя земли превращается в «главу городского управления» (В.Л. Махнач) – приходя в город со своей дружиной и выполняя ряд общественно важных функций (управление, суд, военная защита), он получает от городской общины вознаграждение в виде «кормлений» – определенного дохода с волости.

В четвертом параграфе первой главы автор анализирует взаимоотношения между вече и князем и показывает, что утвердившееся в нашей историографии представление о древнерусских князьях как о единовластных правителях не совсем верно. Ведь по мере усиления городских общин, вече и князь все в большей степени выступают как *равные стороны* во взаимоотношениях друг с другом, важным показателем этого стала практика заключения договоров, которая начала устанавливаться не позднее второй половины XII в.: *утверждаясь на престоле, князь должен был заключать с городской общиной договор*, обозначающийся в источниках как «ряд», «наряд» или «поряд». В нем оговаривались некоторые условия получения князем власти, размеры княжеских «кормлений» и т.д.

Установление подобных взаимоотношений между горожанами и князем, значительная социально-политическая активность древнерусского населения, развитые традиции самоорганизации позволили нам охарактеризовать тип участия, сложившийся в Древней Руси как *«протогражданский»*. Вместе с тем, необходимо признать, что древнерусское вече не стало еще полноценным политическим институтом – оно созывалось достаточно нерегулярно и не участвовало в решении многих текущих вопросов управления; сами собрания были зачастую довольно хаотичными и нередко заканчивались рукопашными схватками между спорящими «партиями», напоминая в этот момент в большей степени племенную сходку времен военной демократии, нежели орган государственной власти. Но самое главное – компетенция вече не была очерчена законодательными рамками, она основывалась на обычае, подкрепленном возросшей мощью городских общин (хотя важной предпосылкой к формализации политического процесса стала складывавшаяся практика заключения «ряда»).

И здесь мы сталкиваемся, пожалуй, с единственным фундаментальным различием между русским и европейским средневековым городом: в Европе на формирование свободных городов огромное влияние оказало античное наследие, в частности, рецепция римского права (которое в городах активно изучалось и преподавалось), поэтому на Западе результаты освободительной борьбы городов получали правовое закрепление в виде хартий, городских статутов и т.д. Это сделало завоевания европейских горожан более устойчивыми и привело к тому, что на Западе протогражданская система отношений между властью и обществом получила импульс для дальнейшего развития и уже в Новое время превратилась в собственно гражданскую. На Руси римская правовая традиция была неизвестна, здесь государственность в целом и отдельные ее институты не испытали сколько-нибудь серьезного цивилизаторского влияния извне, следовательно, имели гораздо больше пережитков родоплеменных отношений, поэтому и традиция общественного

участия несла в себе ряд архаичных черт, которые обусловили некоторые ее слабые стороны.

Пятый параграф первой главы посвящен географии распространения вечевых порядков на Руси. Здесь доказывается, что становление вечевых институтов было не каким-то локальным процессом, характерным, например, для северо-запада Руси, а общерусской тенденцией. Несмотря на наличие некоторой местной специфики, политическое устройство древнерусских земель вплоть до татаро-монгольского нашествия не имело *принципиальных* различий, по крайней мере, современники этих различий не видели. Об этом говорит, в частности, известный фрагмент Лаврентьевской летописи, датируемый 1176 г.: «Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся власти [т.е. все волости – авт. диссерт.] яко на думу на вече сходятся. На что же старейшии сдумают, на томъ же пригороди станут»³.

В **последнем параграфе** первой главы рассматриваются причины упадка вечевого строя на Руси в середине XIII в. Главной них стало монгольское нашествие, повлекшее разрушение и упадок большинства городов. Помимо этого в полном запустении оказалась теперь транзитная торговля через русские земли, которая была главной причиной расцвета городов в предшествующие века: с приходом монголов речные пути стали небезопасными, да и в европейской торговле с Востоком после IV крестового похода появился новый посредник – Венеция. Все это естественно подтачивало опору вечевого строя – сильную городскую общину.

Глава II «Развитие форм общественно-политического участия в московскую эпоху» включает в себя четыре параграфа.

В **первом параграфе** анализируются взаимоотношения общества и власти, которые установились после татаро-монгольского нашествия. Диссертант делает вывод, что в процессе собирания русских земель и складывания национального государства в России формируется специфический тип участия, который можно обозначить как *«религиозно-общественный»*.

³ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1, стб. 377-378.

Суть его заключалась в том, то в условиях отсутствия институционально оформленных каналов социально-политического участия церковь как бы заменяла их, выполняя важную функцию общественного контроля за властью

Этот тип участия был связан с той огромной ролью, которую получила православная церковь на Руси во время ордынского ига. Тогда значение религии для населения русских земель многократно возрастает, поскольку в условиях борьбы с иноверными захватчиками именно христианство становится основой самоидентификации народа, доминантой общественной психологии. На основе православия формируется национальное самосознание, складывается чувство общности, что являлось необходимым условием для становления национального государства. Русская церковь, став в годы монгольского ига подлинно национальной, сыграв важнейшую роль в процессе объединения земель, пользовалась в обществе огромным моральным авторитетом и, в силу этого, была серьезным актором политической жизни. При этом церковь находилась в определенной независимости от светской власти и оставалась долгое время не государственным, а именно *общественным институтом*, стремясь выражать, прежде всего, голос общества и влиять на власть в интересах «Земли».

Во **втором параграфе** рассматриваются процессы институционализации участия в рамках Московского государства, а также предпосылки Смутного времени, ставшего попыткой утвердить принципиально иные отношения между властью и обществом, близкие по своей сути к гражданским.

Автор отмечает, что наиболее существенным минусом религиозно-общественного типа участия было отсутствие в нем институтов, которые бы позволяли *самому населению* быть регулярно включенным в социально-политический процесс, ведь в данном случае *церковь как бы заменяла собой «нормальные» социально-политические формы участия*, воздействуя на власть исключительно на основе обычая, опираясь на свой высочайший общественный авторитет. И в этом смысле важно было возникновение внутри одного из течений в русской церкви, нестяжательства, идеи общенародного совещания,

которое должно было привлечь к управлению государством представителей общества. В условиях острого социального кризиса в стране конца 40-х гг. XVI в. эта идея была реализована – члены «Избранной рады» Сильвестр и Алексей Адашев, тесно связанные с лагерем нестяжателей, принимают решение о созыве в 1549 г. Земского собора. Это стало первым шагом к институции участия в России, к началу *перехода от «религиозно-общественных» к «социально-политическим» его формам.*

Однако вскоре Грозный пошел на разрыв с кругом Сильвестра и Адашева, предпочтя коллегиальному управлению «самодержавие», которое он трактовал в чисто абсолютистском духе, как власть сакральную, а потому свободную от любых форм общественного контроля. Опираясь на такое понимание самодержавия, Грозный устанавливает в стране систему властвования (опричнину), основанную на неограниченном терроре против собственного народа и той части церкви, которая не могла принять эту антиобщественную политику.

Опричнина вызвала тяжелейший социально-экономический и политический кризис в стране, важной частью которого был *кризис легитимации власти и, если брать шире, то и кризис патерналистской социально-политической системы.* Ужасы грозненского правления нанесли серьезный удар по восприятию царя в общественном сознании как защитника, гаранта мира и справедливости. В этих условиях общество должно было или распасться, или выработать новые принципы интеграции. Драматичный период выхода из этого системного кризиса известен как Смутное время. Ему посвящен **третий параграф** второй главы.

По мере погружения страны в состояние безвластия и «войны всех против всех», в русском обществе можно было явно видеть нарастание мощных процессов социальной активности, которые опирались как на существовавшие прежде институты участия (органы местного самоуправления), так и на совершенно новые (Советы всей земли и народные ополчения, включавшие в себя представителей десятков городов). Следствием этого общественного

подъема стало освобождение страны от иностранных интервентов и преступных элементов, а также восстановление государственности. Однако *государственность эта была уже совсем другой.*

Во время Смуты на волне беспрецедентной социальной активности (а также под влиянием пережитого опыта опричнины), в русском обществе зарождаются и реализуются на практике две фундаментальные гражданские идеи: *идея защиты от властного произвола* («крестоцеловальная запись» Василия Шуйского, проект Михаила Салтыкова, Приговор Первого ополчения, «ограничительная запись» Михаила Романова) и *идея легитимации власти через участие в управлении представителей общества.* Такое участие осуществлялось во время Смуты и сразу после нее с помощью института Земских соборов, которые в этих, фактически революционных условиях приобретают совершенно иное положение в политической системе. Земский собор был высшим органом власти в I и II народном ополчении, он непрерывно заседал при избранном царе Михаиле Романове. Новый статус соборов был закреплён в т.н. «ограничительной грамоте», согласно которой без участия соборов не могли решаться вопросы войны и мира, сбора податей, а также издание новых законов. Избрание царя и юридическое ограничение его власти означало возникновение уже совсем иного типа легитимации власти, основанного не на сакральности властных институтов, а на общественном согласии.

Таким образом, хотя после Смуты *политические формы продолжают во многом оставаться старыми* – тот же царь, Боярская Дума, Земские соборы, – но теперь *они наполняются новым содержанием.* Это был действительно «прорывной» момент для русского общества, который мог стать импульсом для формирования полноценных гражданских отношений между «Землей» и «Властью». Однако уже довольно скоро в России начинают проследиваться тенденции к пересмотру политических итогов Смутного времени. Столкновение патерналистских и гражданских тенденций в русском обществе середины XVII в. рассматривается в **четвертом параграфе** второй главы.

Уже при преемнике Михаила Федоровича, Алексее Михайловиче, общественный подъем сменился реакцией. Окрепшая романовская элита решает опереться на служилое сословие для того, чтобы нейтрализовать опасные для себя гражданские тенденции. Общество, которое едва начало чувствовать себя субъектом политики, в котором гражданские формы легитимации власти и контроля за ней только начали развиваться, не смогло отстоять и закрепить свои политические завоевания. Как следствие, была уничтожена «ограничительная записка», прекращается созыв Земских соборов (последний состоялся в 1653 г.).

Но для того, чтобы патерналистская система в России стала завершённой, необходимо было не только ликвидировать новые «социально-политические» формы участия, но и нанести удар по старым, «религиозно-общественным». И здесь важнейшую роль сыграли события церковного раскола, которые, во-первых, существенно дискредитировали русскую церковь и само православие в глазах общества, а, во-вторых, «выдавили» из церкви наиболее принципиальную, наиболее последовательную в своих взглядах часть духовенства, которая была противницей огосударствления и бюрократизации религиозных институтов. В результате, на излете московской эпохи в России окончательно оформляется авторитарная социально-политическая структура.

Глава III «Институты участия в пореформенной России и попытка гражданской трансформации имперского общества» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф посвящен формированию имперской социально-политической системы. В ходе петровской секуляризации и модернизации патерналистские и авторитарные черты российской власти были парадоксальным образом сохранены и даже упрочены. Осуществленная Петром I «вестернизация» являлась попыткой вписать Россию в когорту ведущих мировых держав, политически и экономически интегрироваться с ними, встать в один ряд с европейскими империями. В чем-то это удалось, однако срыв гражданских тенденций в середине XVII в. сделал имперское бытие России

весьма специфичным. Ведь если могущество европейских колониальных империй основывалось на выкачивании ресурсов из заморских территорий (в то время как в метрополиях складывались национальные государства и шли процессы социальной эмансипации), то в России объектом эксплуатации стал собственный народ, а вместо эмансипации общества имело место почти полное бесправие большинства его членов (за исключением дворянской элиты, этой своеобразной «метрополии», отгороженной от остального населения юридически, политически, экономически и культурно). Понятно, что такая социальная система подспудно содержала в себе громадные проблемы и противоречия.

После поражения России в Крымской войне, остро поставившего вопрос о преодолении отсталости страны, внутри русской элиты активизируется «либеральное» крыло. Оно инициировало комплекс преобразований (т.н. Великие реформы), который должен был предложить гражданскую альтернативу прежнему пути развития русского общества. Одну из ключевых ролей в этом процессе должна была сыграть земская реформа, задача которой состояла в том, чтобы преодолеть отчужденность между различными социальными слоями, вовлечь в гражданскую жизнь категории населения, которые последовательно выдавливались из нее в течение двух предыдущих веков. Структура и функции новых институтов участия, созданных по земской реформе, рассматриваются во **втором параграфе**.

Автор отмечает, что созданные в 1864 г. на уровне губерний и уездов институты местного самоуправления – земские собрания и земские управы, формально считались всесословными органами. Однако декларируемый принцип «всесословности» на практике вступал в противоречие с системой выборов, которая предполагала разделение избирателей на три курии (землевладельческую, городскую и крестьянскую) с неравным представительством от каждой из них. Голосование по первой, наиболее представительной курии, было возможно лишь для крупных землевладельцев, что давало явное преимущество на выборах дворянской корпорации (при

Александр III правительство уже в законодательном порядке запрещает недворянам голосовать по первой курии). Не удивительно, что дворяне, составляя около 1% населения страны, имели в уездных земствах до контрреформ Александра III 41,68% гласных, после – 55,2%, а на уровне губерний – 74,2% и 89,5% депутатов соответственно⁴.

Похожая ситуация была и в городском самоуправлении, созданном по реформе 1870 г. На выборах в городские думы также действовал цензовый принцип, дававший право голоса лишь наиболее состоятельным горожанам, владевшим недвижимостью в пределах городской черты. Это отрезало от участия в муниципальной деятельности значительные категории населения, которые, как правило, не имели в городе собственного жилья – рабочих, интеллигенцию, служащих, людей свободных профессий. Не это ли маргинальное общественное положение питало известный нигилизм и политический радикализм русской разночинной интеллигенции, которая в пореформенное время становится во главе революционного движения?

Такие реакционные правила сдерживали социальную активность недворянских слоев, не способствовали развитию у них политической культуры и воспитанию чувства гражданственности. А между тем именно от способности по-настоящему вовлечь широкие массы населения в общественную жизнь зависел конечный успех земской реформы. Прежде всего, это касалось крестьянских масс, которые составляли более 80% населения империи. Не решив проблемы взаимной отчужденности крестьян и государства, не разомкнув архаичную, закрытую от влияний извне общину, нельзя было надеяться на успешную гражданскую трансформацию русского общества.

Проблемам взаимодействия земств и крестьянства посвящен **третий параграф** третьей главы. Известно, что отношения крестьян с имперской государственностью были довольно специфическими – русский крестьянин, который обычно проводил в рамках общины всю свою жизнь и

⁴ Все данные приводятся по: Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России. М., 1998. С. 100.

идентифицировал себя, в первую очередь, именно с ней, имел весьма смутные представления о государственных институтах и политических процессах, происходящих в стране. Крестьянская политическая культура оставалась «догосударственной»⁵ и глубоко архаичной.

Поэтому и создание земств крестьяне встретили более чем настороженно, на выборы шли неохотно и тем более не стремились попасть в число гласных. Однако пассивность крестьян объяснялась не только их «темнотой» и низкой культурой, дело заключалось скорее в том, что земства в том виде, в каком они сложились в России, просто не могли способствовать активному вовлечению в них крестьянских масс.

В первую очередь, недоверие крестьян к земству вызывало доминирование там дворянского элемента, что легко объяснимо, если вспомнить, что после отмены крепостного права бывшие помещики и бывшие крепостные по-прежнему находились в ситуации глубочайшего конфликта между собой. Сюда же следует прибавить тот факт, что параллельно земскому действовало традиционное крестьянское самоуправление на уровне общины и волости, тогда как система земских органов доходила лишь до уровня уездов, а более мелкой единицы земского самоуправления создано не было. Не удивительно поэтому, что пореформенная крестьянская община продолжала жить своей обособленной жизнью, показывая почти полное равнодушие к земским делам.

Последний параграф третьей главы посвящен анализу причин незавершенности гражданской трансформации в Российской империи и последствий этого для русского общества.

Диссертант приходит к выводу, что отказ власти от идеи мягкой эволюции патерналистской социальной системы и последовательного реформирования самодержавия стали трагедией для русской государственности, поскольку привели к радикализации общественных

⁵ Ахиезер А. Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2008. С. 233.

настроений и вызреванию революционной ситуации в стране. Среди причин провала Великих реформ, можно выделить несколько факторов. Во-первых, это мощные противоречия внутри самой элиты между ее «либеральным» и «консервативным» крылом, которые сделали непоследовательными многие реформы, в т.ч. одну из основополагающих – земскую. Из непоследовательно проведенной земской (и городской) реформы вытекает вторая причина неудачи преобразовательных проектов – невключенность в общественно-политическое участие значительных социальных пластов, прежде всего – разночинной интеллигенции и крестьянства, которые были соответственно самой образованной, активной частью общества и самой многочисленной. Тем самым был упущен шанс для конструктивной дискуссии между властью и обществом, а также между различными социальными группами внутри самого общества. Отсюда третий фактор срыва либеральных преобразований – непреодоленность главного наследия дореформенного прошлого: социальной и культурной пропасти между сословиями, которая способствовала сохранению высокой напряженности в русском обществе и делала невозможным развитие гражданских тенденций.

Важно отметить и то, что попытка демократизации российской социальной системы, осуществленная в ходе Великих реформ, в значительно большей мере исходила «сверху», нежели была следствием развития самого общества - ее инициатором стала часть элиты, ощущавшая кризисность абсолютистско-крепостнической системы стремившаяся с помощью преобразований ответить на новые вызовы времени. Поэтому «гражданский импульс», порожденный Великими реформами, был очень слабым – общество оказалось во многом неготовым к изменениям. Как, впрочем, неготовым к ним оказалась и сама власть – начав реформы, она вскоре поспешила дать им «задний ход», усмотрев в них опасные для себя тенденции.

В заключении подводятся основные итоги работы, излагаются общие выводы. Автор считает, что три неудачные попытки гражданской трансформации заставляют задуматься о некоей закономерности и связи этих

попыток между собой, которая заключается в том, что *неудача каждой из них обусловила слабость и конечный провал последующей*. Такая цепочка образовалась вследствие того, что в России прерывание гражданских тенденций носило каждый раз жесткий, радикальный характер. Скажем, монголы не просто подчинили себе древнерусские города, но уничтожили саму возможность развития государственности в прежней форме; а русский вариант абсолютизма не ограничился наступлением на сословное представительство (как это было в Европе), но, помимо Земских соборов, ликвидировал все институты общественного участия и самоорганизации населения вплоть до местного самоуправления. Поэтому «гражданский импульс» Смутного времени не мог опираться на завоевания и достижения предыдущего, он развивался фактически «с нуля». Также и срыв демократических тенденций в середине XVII в., обернувшийся, в конечном счете, формированием системы «внутреннего колониализма», оставил эпохе Великих реформ тяжелейшее наследие в виде расколотого и деморализованного общества, большая часть которого, продолжала жить в условиях архаичной, «догосударственной» политической культуры. Преодолеть это наследие так и не удалось.

Указанные тенденции отличали Россию от Европы, где становление гражданских институтов было более плавным и последовательным, и определенные откаты назад лишь *замедляли ход гражданских процессов, но не носили характера радикального уничтожения «на корню»*.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

1. Особенности общественно-политического участия на Руси в домонгольский период: журнал «Эдип», 2008 г. №1 (4). (0,8 а.л.)
2. Упущенные возможности Великих реформ или почему в России в XIX в. проиграла гражданская альтернатива?: журнал «Каспийский регион: политика, экономика, культура», 2009 г., №2 (19). (0,68 а.л.)

Отпечатано в копицентре «СТ ПРИНТ»
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
www.stprint.ru e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 939-33-38
Тираж 100 экз. Подписано в печать 06.04.2009 г.